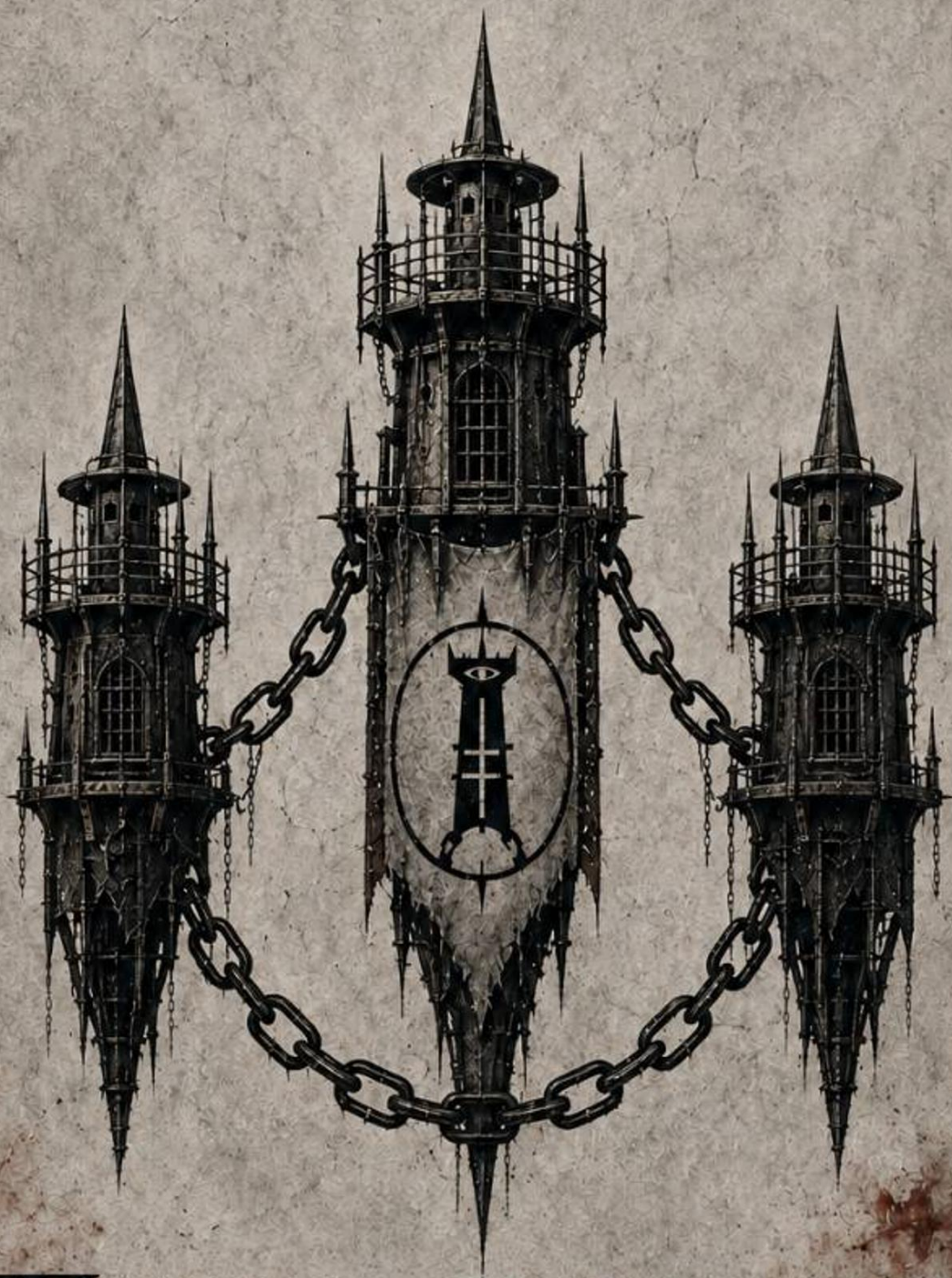

НИКИТА ЧЕРЕПАНОВ

ПОД ПЕПЛОМ

КНИГА I

18+

Никита Черепанов
Под Пеплом: Книга I

«Автор»

2026

Черепанов Н.

Под Пеплом: Книга I / Н. Черепанов — «Автор», 2026

Его списали ещё до того, как он умер. Если система однажды решила, что человек — это расход, значит, кто-то должен доказать обратное — даже если для этого придётся умирать снова и снова, и каждый раз возвращаться чуть менее собой.

© Черепанов Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I: Шахта	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Под Пеплом: Книга I

Часть I: Шахта

Старик умер стоя. Ещё миг назад он бил киркой по чёрному пласту, хрипел, сплёвывал пыль себе под ноги и упрямо тянул смену до конца. Потом просто ткнулся лбом в камень и остался так, будто решил передохнуть. Никто не подошёл. Никто не произнёс его имени. Хотя имя у него было. Эрн слышал его когда-то у котла с жидкой похлёбкой, в очереди за водой. Кажется, старика звали Мар. Или Марг. На Акубанте имена стирались быстрее подошвы на обуви, а подошвы здесь стирались до мяса. Кирка выпала из стариковых рук и ударилась о рельс. Звук прошёл по забою сухим металлическим щелчком. Несколько человек подняли головы, но тут же снова опустили. Не от равнодушия. От привычки. Здесь лишний взгляд мог стоить пайки, воды или зубов. Седьмой самый нижний уровень дышал чёрным паром. Влажные стены блестели в жёлтом свете пылевых фонарей. По ним тянулись старые потёки, похожие на высохшие жилы. Под ногами хлюпала вода, смешанная с угольной крошкой, кровью и той самой пылью, ради которой Акубанта жевала людей год за годом. Вагонетки стояли на рельсах, как железные корыта для мёртвых, только пока в них грузили не тела, а добычу.

Чёрная пыль не была похожа на обычную руду. Она липла к коже, забивалась под ногти, садилась на язык горечью и оставалась в лёгких, даже когда человек поднимался наверх. От неё кашляли чёрным. От неё вода в миске казалась серой. От неё умирающие люди пахли не потом, а мокрым камнем. Эрн сжал рукоять кирки. Ладони давно треснули. Кожа на пальцах стала грубой, как старая верёвка, но боль всё равно находила место, куда вцепиться. Чёрная пыль въелась в раны так глубоко, что кровь казалась не красной, а тёмной, густой, как смола. Каждый вдох скрёб горло. Каждый удар отдавался в спине. Где-то справа молодой парень закашлялся так, будто выворачивал лёгкие. Кашель был тонкий, детский, ещё не шахтный. Эрн не повернул головы. Он уже давно научился не смотреть туда, где не мог помочь. Но когда тело старика начало медленно сползать по стене, Эрн шагнул ближе и ударил киркой рядом с ним. Так сильно, чтобы звук ушёл по рельсу и Смотрящий наверху повернул голову.

Смотрящий стоял у подпорки на деревянном настиле. Его железная маска была мокрой от шахтного пара. Один жёлтый окуляр горел в ней, как больной глаз, второй был закрыт тёмной пластиной. Из-за этой маски его и звали Одноглазым. Не в лицо, конечно. В лицо его не называли никак. Жёлтый глаз повернулся на Эрна. В этот короткий миг худой каторжник по имени Лиар успел подхватить старика под плечи и оттащить его от рельса. Сделал он это быстро и тихо, как человек, который давно привык быть незаметным. Эрн не сказал ничего. Лиар тоже. Только мёртвый старик оставил на камне тёмный след лба.

— Работать, — сказал Одноглазый.

Голос у него был ровный, без злости. От этого становилось хуже. Крик хотя бы был человеческим. Одноглазый говорил так, будто просто называл пункт из правил. И люди работали. Эрн снова поднял кирку. Рядом Лиар выпрямился, прижал тыльную сторону ладони к губам и тихо кашлянул. На его костяшках осталась полоса стариковой крови. Он посмотрел на неё, будто пытался решить, стоит ли вытирать, потом размазал по штанине.

— Мар, — прошептал молодой парень справа.

Эрн всё-таки повернул голову. Парня звали Нис. Ему было, наверное, шестнадцать. На Акубанте возраст угадывали плохо: дети здесь быстро становились старыми, а старики умирали так, будто им просто надоело притворяться живыми. Нис держал кирку обеими руками, но пальцы у него дрожали. Глаза были широко открыты.

— Молчи, — сказал Брам.

Брам стоял чуть дальше, у треснувшей подпорки. Большой, тяжёлый, сутулый, с лицом, похожим на кусок серого камня. Он не смотрел на Ниса, но Нис сразу закрыл рот. Брама слушали даже те, кто не долюбивал его. В шахте уважали не возраст и не силу отдельно. Уважали тех, кто пережил больше обвалов, чем остальные смены.

— Он же — начал Нис.

— Молчи, — повторил Брам.

Лиар наклонился к своей вагонетке и негромко сказал: — Теперь его спишут и нам прибавится работы. Нис побледнел. Эрн бросил на Лиара короткий взгляд.

— Что? — Лиар пожал плечом. — Ты думаешь, они пожалеют нас? Нет. У них все проще.

Наверху Одноглазый открыл книжку учёта. Тонкую, чёрную, с металлическими уголками. Влажный свет фонаря скользнул по страницам. Он писал медленно, аккуратно. Даже смерть требовала правильной строки.

— Номер? — спросил он, не поднимая головы.

Один из младших Смотрящих спустился к телу Марта, наклонился и перевернул его номерную пластину. Мёртвая голова старика качнулась, ударилась затылком о камень. Нис дёрнулся. Брам положил ему тяжёлую ладонь на плечо.

— Триста девяносто второй, — сказал младший.

Одноглазый записал.

— Выбыл до нормы.

Никто не ответил. Эрн ударил по пласту. Чёрная крошка осыпалась к ногам. От удара в ладонях вспыхнула боль.

— Недостача делится на уровень, — сказал Одноглазый. — Седьмой нижний сдаёт полную норму.

Где-то в глубине забоя кто-то тихо выругался. Слишком тихо, чтобы Смотрящие услышали. Достаточно тихо, чтобы страх остался внутри. Лиар подкатил свою вагонетку ближе к Эрну.

— Если это был бунт, — сказал он, не глядя, — Надзор этого пока не заметил.

— Работай, — сказал Эрн.

— Сразу видно, человек умеет поддержать разговор.

Эрн снова ударил. Лиар тоже поднял кирку, но прежде чем ударить, быстро посмотрел вверх, на Одноглазого, потом на рельсы, потом на закрытый боковой ход. Он всегда смотрел слишком много. Считал. Взвешивал. Запоминал. За это его и называли Мерником. Лиар считал всё: шаги Смотрящих, удары подъёмного механизма, сколько раз за смену Одноглазый открывает книжку, сколько людей вышло из барака и сколько вернулось. Эрн считал только удары до конца смены. Но сегодня смена упёрто не хотела кончаться. Пыль шла густо. Пласт оказался жирным, тяжёлым, будто сама земля не хотела отдавать то, что у неё вырывали. Вагонетки наполнялись медленно. Люди работали почти без звука. После смерти Марта даже кашель стал тише. Через час тело старика забрали. Двое Смотрящих спустились с настила. Хотя с Мартом справился бы один — он был лёгкий, высохший, как пустой мешок. Но Смотрящие всегда ходили парами. Так было написано в правилах. Бунты и убийства здесь считались обычным делом, даже если настоящих бунтов давно не случалось. Акубанта не верила людям даже тогда, когда люди уже не верили в себя.

Марта подняли под руки и потащили к тележке. Ноги его волочили по земле, оставляя две темно-багровые полосы. Один ботинок слетел. Никто не поднял. Второй Смотрящий заметил, остановился, посмотрел на ботинок, потом пнул его под рельс. Нис смотрел на тележку.

— Не пялься, — прошептал Брам.

— Почему?

— Потому что это не последний мертвый в этом месте.

Нис побледнел. Брам грубо подтолкнул его плечом.

— Привыкай не обращать внимание малой. Иначе шахта тебя сожрёт.

Эрн тоже видел. Не тележку — след. Тёмный след на камне, где Март ударился лбом, и рядом ботинок под рельсом. Старый, потрескавшийся, с разошедшимся носком. Почему-то именно ботинок раздражал сильнее всего. Не смерть. Смерти здесь было слишком много. Ботинок был хуже. Ботинок доказывал, что у Марта утром ещё было место у стены в бараке. Теперь у него была лишь строка в записной книжке. Эрн ударил сильнее. Кирка вошла в пласт с сухим щелчком. Не так как обычно. Он замер. Звук был слишком неправильный. Обычно чёрный пласт отвечал глухо, вязко, как мокрое дерево. Этот удар ушёл куда-то глубже. Пусто. Слишком пусто. Будто за стеной не было ничего. Лиар услышал тоже. Он не повернул головы сразу. Только перестал поднимать кирку. Его пальцы на рукояти медленно напряглись.

— Ударь ка ещё раз, — прошептал он.

Эрн посмотрел на него.

— Зачем?

— Ведь не мне одному это послышалось.

Эрн ударил ещё раз. Чуть ниже. Пустой звук повторился. Теперь его услышал Брам. Старый каторжник поднял голову. Всё его тяжёлое лицо вдруг стало неподвижным.

— Не надо, — сказал он.

Нис сглотнул.

— Что не надо?

Брам не ответил. Эрн провёл ладонью по стене. Чёрная пыль липла к коже, но под пальцами чувствовалась тонкая дрожь. Не обвал. Не вода. Что-то другое. Будто камень не стоял, а сдерживал дыхание.

— Отойди, — сказал Брам.

Эрн не отошёл. Лиар быстро оглянулся на настил. Одноглазый разговаривал с младшим Смотрящим, но жёлтый окуляр его маски был обращён вниз. Слишком близко.

— Эрн, — сказал Лиар почти беззвучно. — Не лезь. Не сейчас.

На стене между двумя чёрными прожилками появилась тонкая трещина. Сначала Эрн решил, что это просто влажный отблеск фонаря. Но свет был не жёлтым. Он был холодным. Бледным. Почти белым. И шёл изнутри. Нис сделал шаг ближе.

— Звезда, — прошептал он.

Брам схватил его за ворот и рванул назад так резко, что парень едва не упал.

— Отойди малой.

Лиар побелел. Он уже не шутил. Эрн смотрел на трещину. Свет был тонкий, как волос, но от него почему-то занемели зубы. Пыль вокруг него не осыпалась. Она висела в воздухе, медленно вращаясь, будто в воде. Из глубины стены донёсся звук. Тихий. Не удар. Не треск. Скорее стук изнутри. Раз. Пауза. Раз. Эрн почувствовал, как по коже под рубахой прошёл холод. Не шахтный. Другой.

— Все отошли от пласта.

Голос Одноглазого прозвучал сверху. Никто не успел сделать вид, что ничего не произошло. Одноглазый уже спускался с настила. За ним шли двое Смотрящих. Один нёс фонарь. Другой держал короткую дубинку с железным набалдашником. Одноглазый остановил взгляд на трещине. Потом на Эрне. Рука с книжкой учёта не двигалась.

— Кто ударил?

Молчание. В шахте умели молчать. Это было первое ремесло, которому здесь учились. Одноглазый подошёл ближе. Свет из трещины отразился в его жёлтом окуляре и на миг сделал маску почти живой. Почти человеческой. От этого стало не по себе.

— Кто ударил? — повторил он.

Эрн поднял кирку.

— Я.

Лиар закрыл глаза на половину вдоха. Брам едва заметно выругался себе под нос. Одноглазый посмотрел на Эрна долго. Потом на его руки. Потом на номерную пластину.

— Номер.

— Семьсот четырнадцатый, — сказал младший Смотрящий, не дожидаясь, пока Эрн ответит.

Одноглазый открыл книжку. Эрн ненавидел её. Больше, чем дубинки. Больше, чем пылевые фонари. Дубинка хотя бы оставляла синяк. Книжка делала хуже: превращала боль в запись, а запись — в контроль. Одноглазый не стал писать сразу. Он смотрел на трещину.

— Инструменты на землю, — сказал он.

Никто не двинулся.

— Инструменты. На землю.

Кирки начали падать одна за другой. Дерево и железо стучали по мокрому камню. Эрн последним разжал пальцы. Рукоять словно приросла к ладони. Лиар наклонился медленно, положил свою кирку и шепнул так тихо, что слышал только Эрн: — Всё. Теперь они тебя запишут.

— Тише.

— Стараюсь. Но когда нас сейчас заберут, молчать трудно.

Одноглазый поднял руку. Младший Смотрящий побежал к подъёмному коридору.

— Участок закрыть. Седьмой нижний оставить на месте. Никто не выходит без проверки.

Брам опустил голову. Эрн заметил это движение. Не страх даже. Узнавание.

— Ты знаешь, что это, — сказал Эрн.

Брам не посмотрел на него.

— Я знаю, что второй раз бить не нужно было.

— Что это?

Брам наконец поднял глаза. В тусклом свете они казались почти чёрными.

— Когда Надзор боится, — сказал он, — плохо становится нам.

Трещина в стене стала шире. Холодный свет дрогнул. И где-то далеко под шахтой, ниже всех уровней, ниже воды, рельсов, старых костей и чёрной пыли, что-то ответило стуком. Тук. Щёлк. Тук. Одноглазый впервые за всё время не записал ничего в книжку. Он смотрел на стену. И Эрн понял: Смотрящий уже сталкивался с этим. Это было хуже любого приказа.

* * *

После смены их не вывели сразу. Обычно к концу двенадцатого удара подъёмного механизма Седьмой нижний гнали к Площади Нормы. Люди поднимались длинной цепью, шатаясь, кашляя, придерживая друг друга за плечи, если ещё оставались силы. Наверху их считали, взвешивали добычу, проверяли рот, рукава, подошвы, швы на одежде. Потом давали воду — меньше, чем нужно, но больше, чем ничего. После воды люди снова становились похожи на живых. Сегодня механизм ударил двенадцать раз, потом тринадцатый. Никто не двинулся. Смотрящие поставили у закрытого участка две железные стойки и натянули между ними цепь с плоской печатью. На печати был выбит закрытый глаз. Раньше Эрн видел этот знак сотни раз: на дверях барачков, на тележках, на флягах Смотрящих, на книжке Одноглазого. Но рядом с холодным светом знак выглядел иначе. Не как власть. Как повязка на ране. Людей держали у стены почти час. За это время Март окончательно остыл в тележке, Нис перестал дрожать и стал слишком тихим, а Лиар успел пересчитать всех Смотрящих трижды.

— Их больше обычного, — прошептал он.

Эрн сидел на корточках, упершись спиной в мокрый камень. Руки гудели после смены. Желудок сводило от голода. Пыль хрустела на зубах.

— Сколько?

— Обычно восемь. Сейчас двенадцать. Одноглазый. Тот, что побежал вверх. И, кажется, у подъёма ещё трое.

— Ты как всегда.

— Я ведь не хочу сдохнуть.

Брам стоял рядом, не садясь. Его тяжёлые плечи почти касались подпорки. Он смотрел не на цепь и не на Смотрящих, а на пол перед собой.

— Брам, — сказал Лиар.

— Не начинай.

— Я бы спросил нормально, но ты всё равно не ответишь.

Брам медленно повернул голову. Лиар поднял руки, будто сдавался.

— Ладно, ладно. Я просто хочу понять: такое уже было?

— Просто хочешь понять или выжить?

— И то и другое.

Брам отвернулся. Эрн посмотрел на него.

— Он прав. Ты что-то знаешь.

Старый каторжник молчал так долго, что Нис, сидевший у вагонетки, поднял глаза.

— Давно, — сказал Брам наконец. — До тебя. До него. До большинства здесь. Нашли пласт ниже. Не чёрный. Но светился так же. Мы думали, жила богатая.

— И? — спросил Лиар.

— И потом весь ряд пропал.

Нис нахмурился.

— Умерли?

Брам посмотрел на него тяжело.

— Утром были. Вечером не было. И в книжках тоже.

Лиар перестал улыбаться.

— Не может быть.

— Здесь и не такое бывает.

Эрн провёл большим пальцем по трещине на ладони. В рану забились пыль. Она уже не вымывалась.

— Почему ты жив?

Брам ничего не ответил сразу. Потом поднял рукав. На предплечье, между старыми шрамами, был длинный рваный рубец, уходивший почти к локтю. Такой след оставляет не дубинка и не нож. Скорее камень, который прошёл по мясу во время обвала.

— Потому что решили, что я уже мёртв.

Лиар тихо выдохнул. Нис сглотнул. Эрн смотрел на рубец. Что-то в словах Брама было хуже обычного страха. Не я видел. А я выжил там, где должен был исчезнуть.

— Чтобыло за светом? — спросил Эрн.

Брам опустил рукав.

— Что то вроде прохода, но не он.

— А что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.